

рассказы о самом важном

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ
МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ
ИРИНА МУРАВЬЁВА
ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ
ЮРИЙ БУЙДА

и другие

ЛЮБОВЬ,

или Мой дом

сборник рассказов

Москва
2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Оформление серии *П. Петрова*

Любовь, или Мой дом : сборник рассказов и повестей. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Рассказы о самом важном).

ISBN 978-5-699-86009-8

Дом для человека – это не просто стены. Это прежде всего образ жизни, отраженный в деталях быта. Дом знает больше, чем мы, и помнит не только людей – их привычки, походку, дыхание, – он помнит их боль так же, как и их радость. Дом – наш летописец.

Героиня Людмилы Улицкой тщательно строит дом, исходя из желания комфорта и внешней благопристойности, теряя при этом нечто важное. В рассказе Татьяны Толстой с ним связаны теплые детские воспоминания, а в повести Юрия Буйды дом становится символом крепкой и неразделимой семьи, готовой на любые жертвы ради сохранения привычного уклада и единства.

Все рассказы, входящие в этот сборник, совершенно разные, потому что дом у каждого свой. А что такое дом для вас?..

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Муравьева И., Улицкая Л.,
Толстая Т., Буйда Ю.,
Исаева О., Борисова А.,
Булатова Т., Метлицкая М.,
Лаврентьев М., 2016

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86009-8

Предисловие

Есть ли что-то страшнее, чем полное безразличие одного человека к другому? «*Не дай мне Бог сойти с ума*», — писал Пушкин, приравнивая безумие к абсолютному отторжению ото всего, что важно и дорого душе. «...и я глядел бы, счастья полн, в пустые небеса...» Небеса могут оказаться «пустыми» только в одном случае: если здесь, на земле, оборвались все нити сочувствия, разрушились точки опоры людей друг на друга.

Никого не будет в доме, кроме сумерек, один

Зимний день в сквозном проёме

Незадернутых гардин.

Дом может быть разным, любим: одиноким, ледяным, мертвым, сумасшедшим, — уж тут как кому повезет, — но потеря дома погружает человека в первобытный хаос:

Но где мой дом и где рассудок мой?

Дом и рассудок уравниваются в своей первичной ценности. Психея, душа, располагается в теле человека, цепляясь за кров и защиту. И тело становится домом души. Да, временным, но очень важным. «История, — утверждал Лотман, — проходит через Дом человека, через его частную жизнь». Но тут возникает простей-

ший вопрос: что такое история? Не перечень ведь вечно спорных вопросов и наспех подобранных фактов? Да нет, разумеется. История — это подводы Ростовых, из которых с восторгом единственно верного решения выбрасывается семейное добро и на освободившееся место укладываются раненные, это чеченские набеги на деревню, где поселяется Печорин, это Пушкин, рисующий на полях виселицу и подписывающий рисунок: «и я бы мог, как шут, висеть...»

Давайте признаемся: все понятия, так или иначе окрашенные общественным пафосом, то есть история, прогресс, достижения науки, борьба «за» и борьба «против», тускнеют и отдают тошнотворным запахом мертвечины, если они оказываются в одной плоскости с понятием «дом». Они — холодны, неуверенны, шатки, он — полон тепла, долгожданен и прочен. Но если он: «мертвый», как у Достоевского? А если и впрямь: «ледяной», как на шутовской свадьбе, устроенной в 1740 году императрицей Анной Иоанновной? А есть еще дом — сумасшедший, «дом скорби», в котором Мастер, сидя на подоконнике, залитом луною, беседует с бедным поэтом Бездомным. Да, дом бесконечен в своих проявлениях. И его так же не выбирают, как не выбирают родителей. Дом — это судьба. А кто обещал, что судьба будет легкой?

— *Мне надо привести в порядок мой дом...* — сказал умирающий Пушкин.

Но дом, как судьба, может и отомстить, а путь к нему может стать тропкой отчаянья:

...и мы в отчаянье пришли, — с категоричностью последнего, самого глубокого откровения, писал Георгий Иванов, и тут же его закружило, слова полились с убежденностью страсти: *В отчаянье, в приют послед-*

ний, как будто мы пришли зимой с вечерни в церковке соседней по снегу русскому дому.

Приятие дома, каким бы он ни был, есть приятие собственной участи, а это даётся не каждому. Нельзя бунтовать против участи, нельзя бунтовать против дома. Он — выше тебя, знает больше, чем ты, и помнит не только людей — их привычки, походку, дыхание, — он помнит их боль так же, как и их радость. Дом — наш летописец.

Во времена, когда дому грозит быть сметенным с лица земли, на помощь ему призываются силы особой защиты. У Булгакова дом Турбиных защищен своей «сказочностью», своей непридуманною «поэтичностью», своим «волшебством». Быт дома, — в котором часы играют гавот, на печных изразцах остались следы вишневого сока, а шкафы с книгами пахнут шоколадом, — поднимается до высоты бытия, и Алексей Турбин понимает, что воевать он будет не за абстрактные и весьма запутанные идеалы человечества, а только за этот очаг, за эту свою изразцовую печку.

Теперь о любви. Хотя говоря о тепле, противопоставленном хаосу, «вечному странствию», — о тепле, защищающем человека внутри его дома, я ведь говорила о ней. Не бывает тепла без любви, и защита не действует, когда её нет. Маргарита, живущая в одном из самых уютных московских особняков, с человеком, который, как говорит Булгаков, «обожал свою жену», не только не счастлива, но еще глубже: она уже — жертва своей нелюбви, и дом её не защитит и не спрячет: «С тех пор, как девятнадцатилетней она вышла замуж и попала в особняк, она не знала счастья».

Жизнь разрушает границы. Она их ломает. Ей трудно, как ветру в лесу, удержаться внутри *только* этих де-

ревьев, он — ветер — бросается в реку и в поле, ему так вольнее. Мы живем во времена, когда «народы», как говорили в старину, испытывают сильную тягу к географическим перемещениям. То, что было уделом единиц, стало действительностью миллионов. И дом тоже сдвинулся с места, теперь он подобен той крохотной раковине, которую тащит улитка. Пусть тащит. Любовь существует внутри. Вот и всё.

Ирина Муравьева

ЛЮДМИЛА
УЛИЦКАЯ

ЦЮ - ЮРИХЬ

Три полных рабочих дня просидела Лидия на лавочке с раскрытым учебником немецкого языка. Оказалось, что все она рассчитала правильно и свой отпуск потратила не зря. К концу третьего дня из выставочного павильона вышел загорелый полненький мужчина, окруженный тонким сиянием, и сел рядом с ней. Сиял он, однако, не сам по себе, а переливчатым серо-голубым пиджаком. Пахло от него бодрой сосной, туфли на нем были женского серого цвета, в фасонистых дырочках. Всю эту картину, включая дырочки, Лидия ухватила первым же цепким взглядом, даже заметила рахитичный, выступающий немного вперед лоб и красную жилку в левом глазу. Она уткнулась в раскрытый учебник, придерживая его с поворотом, чтобы обложка была видна.

Мужчина, по-рыбьи раскрыв рот, немедленно сглотнул наживку:

— О, ди дойче шпрахе!

И заулыбался. Далее разговор потек ручейком тонким, но уверенным. Господин сообщил, что он швейцарец из Цюриха, представитель фирмы, производящей краски, имеет дом в пригороде и любит животных. Лидия, со своей стороны, рассказала о себе — этот рассказ она давно уже подготовила, выучила наизусть и отрепетировала: педагог, работает с детьми, занимается немецким языком на курсах, понедельник, среда, пятница, просто для удовольствия.

— В немецком языке мне очень нравится порядок, все на своих местах, особенно глаголы...

Швейцарец расплылся — о, он тоже изучал иностранные языки и тоже считает, что немецкий самый рациональный...

Сотрудники наружного наблюдения заняты были свыше всякой меры: выставка международная, со всего города съехалась фарца, грудастые ласточки, пионерки международного бизнеса, привезли свой свежий товар в шелковых розовых трусиках на грубых резинках. Лидия могла быть совершенно спокойна — никому бы в голову не пришло, что и она здесь на охоте.

Действительно, к налетевшим сюда девушкам она не имела никакого отношения. Возрасту ей было за тридцать, красоты за ней никакой не водилось, напротив даже, нижняя губа была вытянута вперед лопаточкой, нос несколько нависал, и, вращаясь она в европейских монархических кругах, губа ее считалась бы габсбургской, но поскольку она была родом из деревни Салослово, то прозвище у нее с детства было Лидка-гусыня. Двумя заметными ее достоинствами, кроме немецкого языка, были густые, в светлый слоистый пучок уложенные волосы и тончайшая талия, еще и утянутая широким лакированным ремнем до состояния полуперепиленности.

Разговор шел неторопливо и весь в нужном направлении, но в какой-то момент швейцарец взглянул на свои швейцарские часы, и Лидия испугалась, что он просто так встанет и уйдет, сказавши ей ауфвидерзеен. Но он видерзеена не сказал, а, напротив, предложил посмотреть на его стенд и выпить чашечку кофе.

Лидия скромно улыбнулась, сверкнув двумя золотыми зубами в глубине узкогубого рта, убрала учебник

и на мгновение задумалась: в сумочке у нее лежали перчатки, белые, нейлоновые, с оборочкой, точь-в-точь как на блузке — надеть, что ли... Перчатки — это шикарно, но не слишком ли... Не решившись их натянуть, она все же вытащила их и сжала в горсти.

— Моя гостья, — кивнул швейцарец охраннику, и Лидия, поигрывая перчатками, прошла за ним следом.

Он ввел ее в закуток своего стенда. Сердце Лидии зашлось от восторга, так весело ей было смотреть на образцы малярных красок, которыми торговал поленький швейцарец.

— Как красиво! — воскликнула она, и в искренности ее нельзя было усомниться. Хотя среди многих ее достоинств, включающих даже и простодушие, искренности как раз и не было. Скорее она была хитровата. Вот именно, простодушна и хитровата. Но если говорить о стратегии ее жизни, то именно в данном случае она собиралась хитрить, и охмурять, и даже обманывать. Ничего этого ей и не понадобилось — господин ей ужас как понравился.

«Не расслабляться, только не расслабляться», — командовала себе Лидия.

Он предложил ей сесть, сам присел, слегка сторбившись, в роскошное кресло красной пластмассы и неопределенно улыбнулся. С чего это он пригласил в павильон эту незнакомую женщину, вроде не клиент и собой нехороша...

— Вам нужен массаж. У вас остеохондроз! — воскликнула она решительно и, не давая опомниться, вцепилась ему в холку и забегала маленькими крепкими ручками по толстому загривку. Он от ужаса зашелся. Сидел, выпучив глаза и хватая воздух.

Лидии катастрофически не хватало немецких слов. Слова «расслабиться» она не знала, но понимала, что инициативу никак нельзя упускать и нельзя молчать, надо что-то говорить. И она говорила. Сначала она пересказала текст из учебника по истории Москвы, потом биографию Пушкина. Между делом она сняла с него переливчатый пиджак, похвалила материю. Он пытался протестовать, но под ее напором быстро увял и таки расслабился.

— Я имею диплом массажиста — массаж физкультурный, массаж лечебный, я даже изучала китайский массаж, — заявила она. И, видимо, не соврала: движения ее были уверенными и энергичными.

Ему и в Швейцарии приходилось иногда принимать сеансы массажа, дело это было недешевое. И насчет остеохондроза она была совершенно права — был у него остеохондроз.

Минут пятнадцать она гуляла по нему своими пальчиками, и очень приятно, только дверь была приоткрыта и он немного беспокоился, не увидит ли кто из посторонних. Но никто не сунулся, и когда она закончила, приятно обхлопав его через рубашку, ему ничего не оставалось, как поблагодарить. Дама была в высшей степени странная — но милая, решил он.

Настало время кофе. Он покрутил разогревшейся шейей, решил, что, кроме кофе, угостит ее еще и шоколадом. Был у него запас и плиточного, и в конфетных изделиях — для угощения хороших клиентов.

«Главное — не терять инициативу», — сосредоточилась Лидия и, пока швейцарец готовил кофе, составляла в уме приглашение.

— Я буду рада пригласить вас ко мне на обед. Я имею диплом повара, — объявила Лидия. — Кухня европей-

ская, кухня народов СССР, диетическое питание. Я имею разрешение работать поваром в ресторане.

Это было очень хорошее попадание. Швейцарец давно уже мечтал завести собственный ресторанчик, но обстоятельства жизни препятствовали.

— Так вы массажист или повар? — вполне живо поинтересовался швейцарец.

— И то и другое. Хотя в настоящее время я преподаю историю нашего города, — сказала она со скромной гордостью. — Я педагог.

Все в точности соответствовало действительности. Лидия второй год вела краеведческий кружок при районном Доме пионеров. Зарплата была никудышная, но зато оставалось много времени для многочисленных ее занятий, а деньги она зарабатывала то шитьем, то вязаньем, то продажей кое-чего. Да и что деньги, много ли в них проку. Лидия с детства жила за интерес. И главный в жизни интерес был у нее учење.

— О, я с удовольствием приду к вам на обед, — засиял швейцарец и вынул не ту коробочку с конфетами, которую сначала собирался поставить, а другую, побольше. Лидия показалась ему интересной.

Начала Лидия с занавесок. Как пришла, сразу сдернула все занавески — и в таз. Стирку Лидия любила больше всех других хозяйственных дел. Считала, что это занятие успокаивающее, и, когда случалась неприятность или просто было плохое настроение, она бралась за постирушку. Но теперь как раз у нее настроение было отличное, боевое, как перед важным экзаменом. И что-то подсказывало ей, что, как и все другие экзамены, — а сдала она их сотни, — и этот, нештучный, она сдаст. Только бы швейцарец пришел...